

ОТКРЫТИЕ МОГИЛЬНИКА САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРОХАЛЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

М. В. Титова, В. А. Сумин

The authors of the article introduce new materials into research circulation with respect to the Samusky earth burial ground at the heterochronous site of Krokhalevka-7A investigated in 2001. The paper gives a preliminary analysis of the implements and specific features of a burial ritual related with the first Samusky burial ground in the Novosibirsk Lower Ob basin. The obtained data substantially supplement the existing information on burial rite practices of this original culture of the developed Bronze Age.

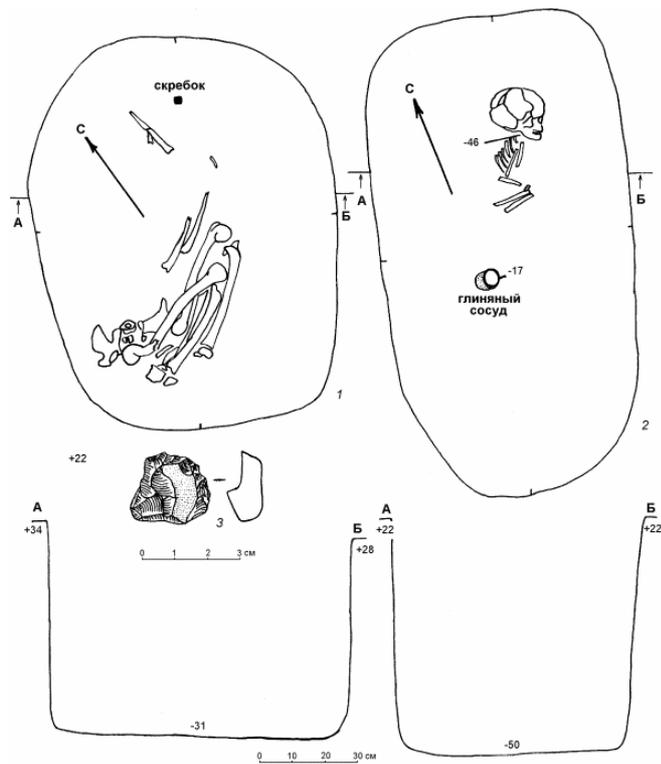
На сегодняшний день подавляющее большинство информации о самусьской культуре получено по материалам поселений Томского и Новосибирского Приобья. Однако до сих пор не было обнаружено самусьских погребений, культурная принадлежность которых не вызвала бы сомнений. Так, некоторые погребения могильника Заречное-1 и погребение на памятнике Иня-4 в Новосибирской области [Зах, 1985, с. 28; 1997, с. 31–32], а также ряд могил Еловского-2 могильника в Томской области [Матющенко, 1994, с. 81–82] причисляются к самусьской культуре с большими оговорками. В связи с этим весьма перспективным является открытие на разновременном памятнике Крохалевка-7А грунтового могильника, керамический инвентарь которого позволяет с полным основанием интерпретировать его как самусьский. Исследование данного погребального комплекса в совокупности с известными поселенческими материалами дает возможность более полной и всесторонней реконструкции жизни древнего самусьского общества.

Памятник Крохалевка-7А находится в Коченевском районе Новосибирской области и входит в состав Крохалевского археологического микрорайона. Памятник был открыт в 1975 г. В. И. Молодиным и предварительно определен как поселение эпохи поздней бронзы [Троицкая и др., 1980, с. 69–70]. Исследование поселения начато авторами в 2000 году, был выявлен разновременный характер памятника, содержащего материалы эпохи неолита, поздней бронзы, раннего железа и позднего средневековья.

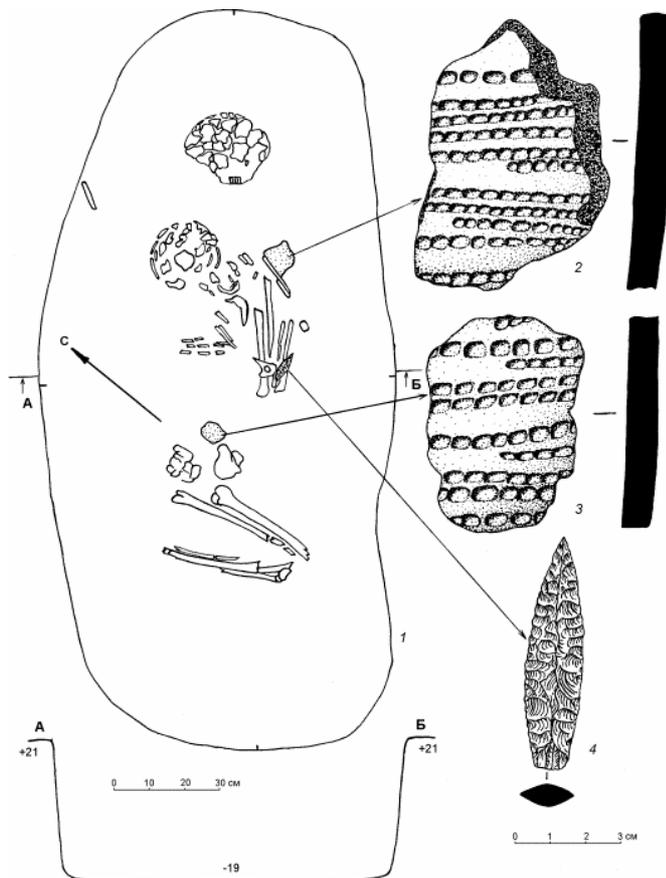
В 2001 году, в процессе работ на памятнике, при исследовании котлована одного из жилищ эпохи поздней бронзы, авторами было обнаружено несколько грунтовых погребений. Часть погребений находилась непосредственно в котловане исследуемого жилища, часть — на краю котлована и одно — за пределами жилища. Всего было выявлено шесть могил, расположенных двумя параллельными рядами, расстояние между которыми составляло около 4,5 м. Первый ряд состоял из двух захоронений, во втором находились три могилы, одно погребение (№ 3) было расположено между рядами и, возможно, представляло собой кенотаф. Ряды погребений были вытянуты по линии запад — восток, вдоль линии террасы. Причем большинство могильных ям, кроме могилы № 3, располагались перпендикулярно берегу древнего русла реки, а погребенные были уложены ногами к водоему. Надпойменная терраса, на которой найден могильник, имеет высоту около 6 м от уровня современного старичного озера.

Погребение № 1 — могильная яма овальной формы, ориентирована продольной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Размеры ямы 124×94 см, глубина 65 см (относительно уровня котлована жилища), стенки ямы отвесные, дно ровное, заполнение — темно-серая супесь. В могиле обнаружены остатки костей рук и нижняя часть скелета, тазовые кости и кости ног, находившиеся в анатомическом порядке. Судя по расположению костей, погребенный был уложен скорченно на левый бок с сильно подогнутыми ногами, головой на северо-северо-восток (рис. 1, 1). Из инвентаря в погребении обнаружен кремневый скребок (рис. 1, 3).

Погребение № 2 — могильная яма овальной формы, расположена за границей котлована жилища, ориентирована продольной осью по линии северо-восток — юго-запад. Размеры ямы 215×103 см, глубина 40 см (относительно уровня материка), стенки ямы отвесные, дно ровное, заполнение — темно-серая супесь. В могиле выявлено одно захоронение, кости скелета были сильно обожжены, часть костей отсутствовала. Судя по расположению останков, погребенный был уложен на левый бок с подогнутыми ногами, головой на северо-восток (рис. 2, 1). В связи с сильным обожжением череп плохой сохранности, был раздавлен, его правая половина оказалась смещенной относительно левой. Из инвентаря в погребении обнаружены два фрагмента стенки сосуда, орнаментированные горизонтальными линиями, выполненными отступающей лопаткой (рис. 2, 2, 3), и кремневый наконечник стрелы удлиненной иволистной формы, обработанный тщательной тонкой ретушью (рис. 2, 4).

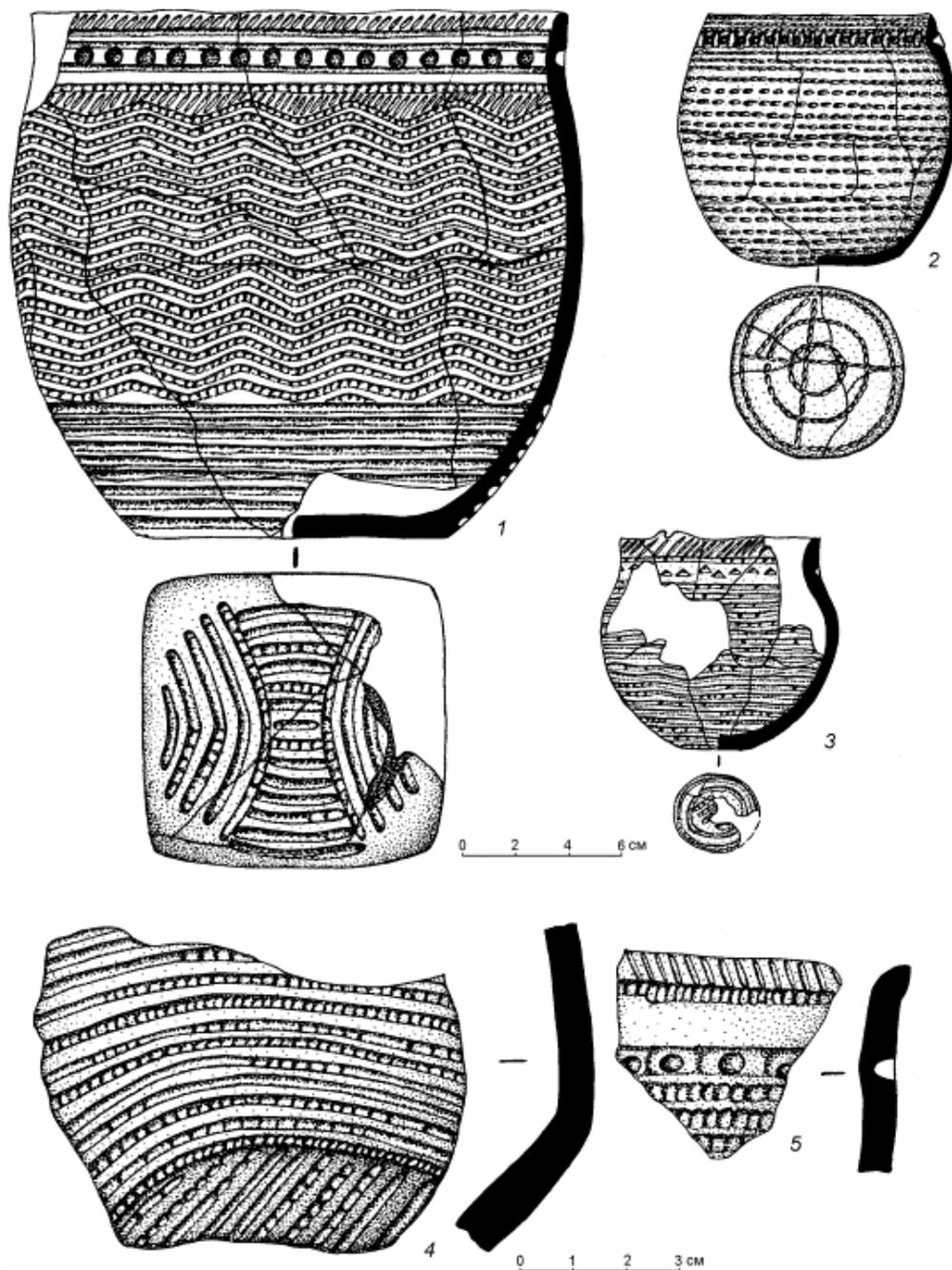

Рис. 1. Крохалевка-7А. Материалы грунтового могильника:
 1 - план и профиль погребения № 1; 2 - план и профиль погребения № 2;
 3 - каменный скребок из погребения № 1

Рис. 2. Крохалевка-7А. Материалы грунтового могильника:
 1 - план и профиль погребения № 2; 2, 3 - керамика;
 4 - кремневый наконечник стрелы

Погребение № 3 — могильная яма овальной формы, ориентирована продольной осью по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Размеры могилы 168×90 см, глубина 50 см (относительно уровня котлована жилища), стенки ямы отвесные, дно ровное, заполнение серая супесь с золистыми включениями. Захоронения в яме не выявлено. В центральной части ямы, несколько выше уровня материка, обнаружен глиняный сосуд слабо профилированной баночной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и квадратным дном. Декором покрыта вся поверхность сосуда, включая дно. Большая часть поверхности орнаментирована рядами движущейся гребенки, образующей зигзаг, придонная часть — желобчатыми линиями, выполненными протасенной гребенкой. Дно также орнаментировано протасенной гребенкой. По шейке сосуда идет ряд аккуратных ямочных вдавлений, по венчику и плечикам нанесены мелкие косые насечки (рис. 3, 1).

Рис. 3. Крохалева-7А. Материалы грунтового могильника. Керамика из погребений

Погребение № 4 — могильная яма овальной формы, ориентирована продольной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Размеры ямы 151×93 см, глубина 63 см (относительно уровня материка), стенки ямы отвесные, дно ровное, заполнение — темно-серая супесь. У юго-западного края ямы расчищен прокол овальной формы размером 100×66 см, мощностью 28 см.

Часть погребения перерезана котлованом более позднего жилища. В могиле выявлено одно захоронение, обнаружены череп и отдельные кости ног и рук плохой сохранности, большая часть костей скелета отсутствовала. Судя по расположению костей, погребенный был уложен скорченно на левый бок с подогнутыми ногами, головой на северо-северо-восток. Инвентаря в погребении не было, однако рядом с могилой, к северу и северо-западу от нее, в радиусе 2 м выявлено несколько скоплений фрагментов одного сосуда, орнаментированных линиями движущейся гребенки. Декором покрыта вся поверхность сосуда, включая дно (рис. 3, 4, 5).

Погребение № 5 — могильная яма овальной формы, ориентирована продольной осью по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Размеры ямы 151×79 см, глубина 72 см (от уровня материка), стенки ямы отвесные, дно ровное, заполнение — серая супесь. В заполнении ямы встречено большое количество речного ракушечника. В могиле выявлено захоронение ребенка. Кости скелета плохой сохранности. Погребенный был уложен на левый бок с подогнутыми ногами, ориентирован головой на северо-северо-восток. Несколько выше уровня погребенного в могиле обнаружены остатки небольшого глиняного сосуда. Поверхность сосуда декорирована линиями проташенной гребенки, по верху венчика пущен ряд мелких косых насечек, на шейке расположен ряд треугольных вдавлений, край венчика имеет два небольших бугристых выступа. Орнаментом покрыта вся поверхность сосуда, включая дно (рис. 3, 3).

Погребение № 6 — могильная яма неправильной овальной формы, ориентирована продольной осью по линии северо-восток — юго-запад. Размеры ямы 184×126 см, глубина 49 см (относительно уровня котлована жилища), стенки ямы слегка наклонные, дно неровное, заполнение ямы — серая супесь с золистыми вкраплениями. В яме найден развал небольшого тонкостенного сосуда закрытой баночной формы, вся поверхность которого, включая дно, покрыта орнаментом, выполненным отступающе-накольчатой техникой, по шейке нанесены мелкие ямочные вдавления (рис. 3, 2). Среди фрагментов керамики выявлена золистая линза, содержащая мелкие угольки, несколько мелких остатков сгоревших костей и два сильно обожженных человеческих зуба. Следов прокала в могиле не обнаружено. Возможно, остатки кремированного на стороне усопшего были помещены непосредственно в сосуд, в котором и захоронены.

Вполне вероятно, что количество могил, входящих в грунтовый могильник, было несколько большим, так как выше мы описали только те, которые с полным основанием можно отнести к погребениям. На наш взгляд, возможно, еще три-четыре ямы, обнаруженные при раскопках котлована жилища, являлись могилами, содержащими остатки полной кремации. Заполнение данных ям аналогично заполнению выявленных могильных ям с характерными золистыми вкраплениями. Кроме того, они имеют схожую форму и ориентацию, однако остатки жженных костей и инвентарь в них отсутствуют. Практически все спорные ямы повреждены при строительстве жилища, над двумя из них выявлены прокалы, две ямы находятся в линии второго ряда погребений, одна в линии первого ряда, еще одна отдельно.

Погребальный обряд исследованного могильника сочетает в себе ингумацию и кремацию, последняя, в свою очередь, как полная, так и частичная. Не исключено существование практики вторичного захоронения. Прослеживается определенная устойчивость погребального ритуала при труположении: умершего помещали в достаточно глубокую могилу (глубина могильных ям колеблется от 40 до 70 см относительно уровня материка, но фактически глубина некоторых могил могла достигать 90–100 см относительно уровня материка, так как, определяя реальную глубину части могильных ям, необходимо учитывать глубину котлована жилища, который разрушил верхнюю часть некоторых погребений) в сильно скорченном положении на левом боку головой на северо-северо-восток (северо-восток), ногами к водоему. Наблюдается определенная закономерность в расположении могил погребального комплекса: погребения были сгруппированы в параллельные ряды и перпендикулярны краю террасы. Исключение в этой системе составляет могильная яма № 3, которая, во-первых, находилась между рядами, во-вторых, была сориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток (т. е. расположена перпендикулярно относительно всех остальных погребений) и, наконец, в-третьих, не содержала каких-либо явных остатков погребенного. Все это говорит о специфическом характере данного погребения, что могло быть обусловлено особенностями погребального обряда либо связано с определенным статусом или деятельностью умершего. Интересна и такая деталь ритуального действия, как помещение сосуда не непосредственно на дно могилы, а на земляную присыпку. В детском захоронении сосуд также находился значительно выше уровня залегания костяка. Возможно, и развал самусьского сосуда, обнаруженный рядом с безынвентарной могилой № 4, находился в верхней части заполнения погребения и был выброшен при строительстве жилища более позднего времени. Вместе с тем не исключено, что часть сопроводительного или используемого в ритуальных целях инвентаря была помещена рядом с могилами. Подобная практика известна по материалам могильных комплексов, синхронных самусьскому времени [Косарев, 1981, с. 95–96; Матющенко, 1994, с. 80; Матющенко, Ложникова, 1969, с. 26]. Большая роль в погребальной обрядности данного могильника отводилась огню, об этом свидетельствуют частичное обожжение костей скелета из могилы № 2, остатки полной кремации из погребения № 6, а также достаточно мощный прокал у края могильной

ямы № 4. К сожалению, могильник частично поврежден поселенческими конструкциями, что подчас затрудняет интерпретацию полученных фактов.

Найденный в погребении № 2 изящный кремневый наконечник стрелы аналогичен наконечникам стрел, встреченным в большом количестве в Самусьском могильнике [Косарев, 1974, с. 46, рис. 6], Томском могильнике на Мусульманском кладбище [Косарев, 1974, с. 66, рис. 21], а также на поселении Иня-4 [Материалы..., 2000, с. 80] и в погребениях могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 40–41, рис. 16; 2001, с. 93, рис. 25, 47]. Гораздо реже подобные, хотя и несколько видоизмененные наконечники стрел попадались на поселениях Самусь-IV [Косарев, 1974, с. 61, рис. 14] и Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, с. 32–35, рис. 35]. Таким образом, техника тонкой струйчатой ретуши, тщательность обработки, а также характерная удлиненная иволистная форма свидетельствуют об архаичности рассматриваемого экземпляра и жизнестойкости неолитических традиций обработки камня в эпоху бронзы. Подобный тип наконечников бытовал в широких территориальных и хронологических рамках, что не позволяет трактовать их как культуродиагностирующий и узко датирующий материал [Молодин, 2001, с. 93].

Основным же культуроопределяющим и датирующим материалом могильника является керамика. Обнаруженный при исследовании могильника керамический материал идентичен первой группе самусьской посуды поселения Самусь-IV (по классификациям В. И. Матющенко и М. Ф. Косарева) [Косарев, 1974, с. 56–57; 1981, с. 96–99, рис. 35; Матющенко, 1973, с. 30] или группе Б поселения Самусь-IV (по классификации В. И. Молодина, И. Г. Глушкова) [Молодин, Глушков, 1989, с. 89, рис. 53]. Подобная керамика встречена на целом ряде памятников Томской и Новосибирской областей: Красный Яр-1, Умна-1, Чучка-7, Завьялово-1, Танай-4, 4А и др. [Бобров, Жаронкин, 1998, с. 187–190; Материалы..., 2000, с. 79; Бобров, Умеренкова, 1998, с. 197–200; Молодин, 1977, с. 74–77; Молодин, Глушков, 1989, с. 24–98]. Кроме того, аналогичная керамика найдена на поселениях Крохалевского археологического микрорайона, например на памятниках Крохалевка-1 и 12 [Молодин, 1977, с. 74], Крохалевка-36 (раскопки Е. А. Сидорова 1985 года, материал не опубликован) [Савин, Сумин, 2000, с. 151–152], причем поселения Крохалевка-1 и 12 расположены в 1,5 км от раскопанного авторами могильника.

Техника нанесения орнамента, особенности декоративной схемы, специфическая форма дна и его орнаментация не позволяют сомневаться в культурной принадлежности керамического комплекса грунтовых погребений Крохалевки-7А к самусьской культуре и дают возможность предварительно датировать их XV–XIII вв. до н. э. [Косарев, 1981, с. 106; Молодин, Глушков, 1989, с. 129–130].

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В. В., Жаронкин В. Н.* Новые материалы из раскопок поселения Танай-4А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. 4. С. 187–190.
- Бобров В. В., Умеренкова О. В.* Исследования поселения Танай-4 // Там же. С. 197–200.
- Зах В. А.* Погребения эпохи неолита — ранней бронзы могильника Заречное-1 // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 23–29.
- Зах В. А.* Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 129 с.
- Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 167 с.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 275 с.
- Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России».* Вып. 5. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области / Бобров В. В., Молодин В. И., Журба Т. А., Колонцов С. В., Кравцов В. М., Кравцов Ю. В., Соболев В. И. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2000. 101 с.
- Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10.
- Матющенко В. И.* Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Томск, 1994.
- Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966–69 гг. // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 267.
- Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 177 с.
- Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2001. Т. 1. 126 с.
- Молодин В. И., Глушков И. Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989.
- Савин А. Н., Сумин В. А.* Самусьская культура в Крохалевском археологическом микрорайоне // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. Т. 1. С. 151–152.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 182 с.

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет